

ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

УДК 821.161.1-3 + 008

ОСВОЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА

Е.Е. Тихомирова

Новосибирский государственный
педагогический университет,
Российский государственный
гуманитарный университет

imktikhomirova@mail.ru

Статья посвящена изучению культурного пространства в творчестве известного сибирского писателя Г.Д. Гребенщикова. Автор с точки зрения системного и аксиологического подходов делает попытку выявить векторы освоения и осмысления Сибири как культурного концепта. Осмысление культурного пространства Сибири связано с репрезентациями культурных универсалий *путь, дом, сфединность*. Они в текстах писателя реализуют не только пространственные характеристики, но и получают дополнительные этические коннотации. Делается вывод о том, что Сибирь в творчестве Гребенщикова связана, в первую очередь, с возможностью созидания нового человека, его духовного восхождения и роста. В плане освоения культурного пространства выделяются два вектора освоения Сибири. Во-первых, исторические пути русского народа на Восток и Запад по освоению природных и культурных пространств. Общими реперами освоения пространства выступают ярмарки, а позднее – банки. Другое направление представляет вертикальный вектор пути человеческого духа, который связан не только с подъемом на гору, но и с созиданием, переустройством пространства природы. На пересечении этих векторов (горизонтального и вертикального) человеком творчески создается чум, дом, скит, храм, город.

Ключевые слова: культура, субъект, объект, действие, деятельность, культурная универсалия.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-143-150

Жизненный путь Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882–1964), одного из наиболее интересных писателей и культурных деятелей XX столетия, стал воплощением его жизненной концепции освоения культурного пространства, где движение всегда отмечено строительством человеческого духа, его языка, храма. Разнонаправленность движения в пространстве у Георгия Дмитриевича всегда была осознанной и сопрягалась с литературной, философской, жизне- и культуросозидающей дея-

тельностью. Рождение в Барнауле, журналистская, редакционная, писательская деятельность в Томске, Омске, Барнауле, Усть-Каменогорске; литературное паломничество в Москву и Санкт-Петербург. Там в 1914 году под редакцией Гребенщикова выходит «Алтайский Альманах», который открывается этнографическим очерком «Алтайская Русь». Иллюстрации по просьбе Гребенщикова делал алтаец Ч. Гуркин. На обложке изображен алтайский традиционный дом как символ единения свое-

го, личного пространства с пространством макрокосмоса и символ их подобия. Получив поддержку классиков, в том числе Л.Н. Толстого, Гребенщиков возвращается в Сибирь. После Революции 1917 года – эмиграция: Турция, Франция, затем, по настоянию Н. Рериха, США, штат Коннектикут. Мечтая о городе-саде, который бы проводником русской культуры в Америке, он создал русский поселок Чураевка по подобию старообрядческих алтайских скитов как дом нового духа, новой жизни, новой культуры, которая через Сибирь должна соединить континенты и страны: Россию и Америку. Издательская деятельность, развернутая издательством «Атлас» (Белый камень) под руководством Г.Д. Гребенщикова, действительно соединяет пространства, духовно окормляя русских эмигрантов, разбросанных по всему миру. Стремление ко всеединству и целостности определяет основной вектор деятельности издательства, его отделения рассказывают о России в Харбине, Берлине, Тяньцзине и других городах мира. Литературный дом-издательство дает помощь в строительстве нового дома земного, освоении нового культурного пространства и рассказывает о доме небесном. В его представлении Сибирь, первоначально бывшая периферией Российской империи, в новом культурном пространстве должна стать центром, серединой культурного пространства. Идея срединности может рассматриваться как культурная универсалия. Это идея не только срединного государства (как, например, в Китае), но и идея срединного жизненного пути, труда, созидания, преодоления протяженности пространства и неумолимости времени, вообще преодоление экзистенциальной конечности человека. Эта идея транслируется, начиная с античных

философов и поэтов до нашего времени, в том числе эксплицируется и в культурологической концепции Г.Д. Гребенщикова.

Универсалии культуры отражают некое мироощущение, становятся частью идеологии, идейным комплексом, превращаются в образ, имя, имеющее магическое влияние на социальную действительность. Каждая культурная универсалия в памяти говорящего/слушающего включена в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников. В русском языке освоение культурного пространства связано с концептами *дома* (как центра отсчета координат, центра мира) и концептами *пути* и *дороги*. В связи с этим обратимся к анализу этих элементов русской концептосферы и их специфики в творчестве Г.Д. Гребенщикова.

Этимология чрезвычайно важного культурного концепта *дом*, возможно, связана со схождением в этом слове первоначально самостоятельных слов с близкими фонетическими оболочками: □

- 1) *domā – со значением *владычествовать*, т. е. руководить поступками домашних;
- 2) *dem□□ō – *строить, сооружать*;
- 3) *dem(□) – *дом как общественная организация*, т. е. семья.

В русском языке Древней Руси появляется еще одно значение – *хозяйство* [2, с. 293–307]. Строительство дома становится целью жизни поселенцев. Г.Д. Гребенщиков отмечает, что для первых переселенцев в Сибири самым трудным на первом этапе было именно отсутствие хозяйства и, как следствие этого, отсутствие хлеба и скота: «Самым тяжелым условием для первых за-

сельщиков “Камня” было отсутствие хлеба. Те ржаные, зацветшие сухари, которые когда-то лежали в котомке, были бы верхом благополучия скитников, если бы была возможность где-либо достать их. Но о них и мечтать не приходилось. Поэтому они глодали черемуховую и таловую кору и питались мясом зверей...» [4, с. 14]. Со временем через преодоление собственной природы Сибирь и Алтай становятся границей своего мира, раем на земле, сказочным Беловодьем, домом во всей полноте смыслов: «Обилие голубых, быстрых и говорливых рек, высоких причудливых гор, покрытых непроходимыми лесами и лугами, с многочисленными постоянно меняющимися цветами, — все это делало в глазах отшельника Алтай обетованным местом, земным раем. И люди, окруженные лишь птицами и дикими зверями, овеванные безлюдием и тишиной, чувствовали близость Бога и полную неприкосновенность и защиту от насилия своих же братьев, а также столь необходимое им удаление от всякой суеты греховной. Поэтому даже злодеи и преступники, уединившиеся в горах Алтая, неожиданно превращались в мягких благоговейных людей и мужественно переносили тяжелые лишения, одиночество, тревогу и страх за жизнь, пока с течением лет находили и увлекали в свое уединение и женщины, чтобы зажить очагом, семьей и общиной» [5, с. 123]. Писатель подробно исследует расширение ойкумены русских на Алтае. Если в XVIII веке это была сеть деревушек с числом домов от 2 до 7 и эта территория была присоединена Екатериной II к России, то в начале XIX века она расширилась до маленького вольного государства: «Селения в Бухтарминском крае разбросаны в наиболее живописных местах, по берегам красивых чистых рек, впадающих в Бухтарму, а некоторые и по берегам самой Бухтармы. Наиболее типичными селениями являются: Фыркалка, Белая, Печи, Язовая, Коробиха, Сенная и Быкова. Последние четыре деревни стоят на берегах

Бухтармы. Следует упомянуть, что громадные деревни Солдатова и Солоновка, населенные значительно позже так называемыми “поляками”, пришедшими в 60-х годах XIX в. с рек Убы и Ульбы, с западных предгорий Алтая, составляют совершенно особую категорию и не считаются “ясаиньми”. Все эти ясаиньи деревни состоят преимущественно из густо населенных деревянных домов древнерусской архитектуры. Правильных улиц почти нет. Дома строятся окнами всегда на солнце, так что очень часто на улицу выходят глухие стены без единого окна. Дома обыкновенно очень высокие, с маленькими косячатыми окнами, покатыми крутыми крышами и замысловатой резьбой или хитроумной покраской на ставнях или причельниках: При домах, которые всегда строятся связью, т. е. с глухими сенями, разделяющими две избы, обыкновенно имеется глухое высокое крыльцо. Одна изба под собою имеет подполье, и в ней стряпают, столуются и беседуют, а другая делается обыкновенно выше первой на три ступеньки и представляет собою домовую молельню. Называется она горницей, т. е. стоящей горнее, выше избы. Там широкие божницы с множеством старинных икон, и в этих горницах уединяются для молитвы старики. Но чаще всего горница содержится холодной, не жилой и служит хранилищем разного добра: одежды на шестах, пряжи, холста, сундуков и тому подобное» [4, с. 27].

Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка, для того чтобы научиться понимать действующее помимо языка искусство. Но человек чувствует и знает, что язык для него только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью [3, с. 277]. Знакомство с паремнологическим фондом языка позволяет расширить представление о концептосфере народа. С этой целью обратимся к сло-

варю В.И. Даля. Являясь словарем-тезаурусом, т. е. словарем, отражающим всю широту русского национального языка и культуры, он дает непосредственные языковые манифестации концепта *путь*.

Для этого исторического периода характерно синкретическое наполнение концепта *путь*, включающее смыслы концепта *дорога*. *Дорога*, также *путь* в переносном значении представляют собой *средство, способ для достижения чего; род жизни, образ мыслей, дела и поступки человека* и прочее. Развиваются вторичные значения, уже связанные с этической оценкой человека и его поступков: *Туда ему и дорога!* (т. е. нечего жалеть человека, о котором идет речь, он лучшей участи и не стоит). Связь с вертикальным движением духа к трансцендентному абсолюту, идеалу жизнестроительства реализуется в таких связанных значениях, как *быть на хорошей дороге*, т. е. *повышаться службою, почестями, или стремиться к добру. Туда тебе нет дороги, не дорога, не след ходить*. Осмысление индивидуально направления движения на протяжении жизни, указание на личную ответственность за нравственный выбор сформулировано в поговорках: *Всякому своя дорога, свой путь, поприще*.

Концепт *путь* вербально манифестируется как *способ или средство, образ достижения чего-либо, направление*: изначально задается духовно-нравственная составляющая движения человека как существа культурного, которому необходимо сделать выбор координат этого движения в реальном пространстве, не нарушая культурных границ, нравственных бинарных оппозиций «можно – нельзя»: *пути жизни. Пути Божьи, пути Провидения неисповедимы. Пути праведников, грешников. Ходи всегда путем правды. Он достиг этого путем ходатайства, поклонов, подкупа*. Очень жестко представлены границы поведения в

рамках бинарной оппозиции «правый (правильный) – левый (лукавый)»: *сбить кого с пути, с толку, расстроить, совратить. Сбиться с пути, путать, плутать; спутаться, смешаться в речи; совратиться, развратиться. Всеми путями прошел, пролаз, пройдоха, бывалый*. Воспитание, создание человека связывается со следованием по пути предков, с передачей глубинного опыта, знаний о способах выживания человека и представлено в связанных фразеологических единицах: *направить, наставить кого на путь, на путь истины, научить, посоветовать, вразумить. За Богом пойдешь, добрый путь найдешь. Слушайся добрых людей, на путь наведут. Нужный путь Бог правит. Бог пути кажет*. Человек, лишившийся жизненных ориентиров, *блудный человек*, противопоставляется в народном сознании человеку *путному*, при этом *путность* рассматривается как *качество путного, годного, доброго* [8, с. 236].

Важнейшим источником символизации в пределах концепта пути является библейский текст «Азъ есмь путь, истина и животъ» (Ио., 14.6). Текст принадлежит к числу самых сакральных мест Священного Писания, так как является текстом типа *ipse dixit*, повторяется во многих других текстах. В устах Господа слово *путь* приобрело символическое значение – «линия, модель праведного поведения, жизни и мировосприятия». Обогащение семантики и фразеологии лексемы *путь* связано также с библейской притчей о вратах небесных: «Пространа врата и широкъ путь, въводяи въ пагоубу... Жзъка врата и теснь путь, въводяи въ животъ» (Мф. VII, 13–14). Оппозиция: тесный путь (узкий, скорбный, прискорбный) – «путь праведной жизни» и широкий путь – «путь греховной жизни». Христианскому представлению о пути принадлежит очень большая роль в выражении идеи

страдания как средства, пути к достижению главной цели каждого христианина – вечного спасения, идеи следования и подражания Христу, прошедшему путь страдания во имя спасения людей, искупления их грехов [9]. Это движение особенно заметно в репрезентации духовного изменения переселенцев в историко-этнографическом очерке «Алтайская Русь».

Существует мнение, что нравственность в своей реальности как будто бы содержит предпосылки «деуниверсализации» или что партикуляризация, субъективизация, ситуативизация морали происходят спонтанно, в силу сложившегося порядка вещей, «по логике» личного нравственного или околонравственного опыта. Универсальность морали обнаруживается не в одинаковости мыслей и поступков и не в неперменной исполненности во всех ситуациях соответствующих нравственных установлений, и не в том, что каждый индивид обладает моральными способностями и чувствами. Моральная ценность носит всеобщий характер, но ее всеобщность проявляется не в том, что каждый человек обладает этой ценностью или принимает ее, но в том, что эта ценность вменяется в исполнение каждому человеку. Моральное суждение или действие универсализуемо в том смысле, что, высказывая суждение и совершая действие, человек предполагает, что каждый на его месте в аналогичных обстоятельствах должен бы высказать такое же суждение или совершить такое же действие. Другой вопрос, что в нравственности универсальным является главным образом принцип, тогда как сообразные ему действия носят конкретно-индивидуальный характер [1, с. 251–252].

Думается, что, несмотря на различное культурспецифичное наполнение, куль-

турные универсалии отражают многоаспектность подхода к любому предмету, действительности, социальному или природному явлению; адекватность восприятия иерархичности внутренних и внешних связей предмета; фиксированность рамок допустимых отклонений от нормы в поведении (обозначением пограничного «культурное – природное» и предельного «жизнь – отсутствие жизни» состояний); неотъемлемость индивидуальной субъективности, самостоятельности, права на личный выбор способа действий в пределах фиксированных границ; сопряженность деятельности индивида с ответственностью за нее; описание возможных последствий; открытость действий индивида для контроля со стороны социума путем выражения общественного одобрения или порицания.

Универсалии культуры содержат в себе базовые правила жизнедеятельности человека. Ее целесообразность – соответствие поведения человека цели выживания человека; системность – адекватность представлений и действий цели поддержания человеческой (и не только биологической и социальной, но и культурной) жизни в рамках данного времени и пространства, оптимальность поведения – адекватность приемов и средств, способа действия в достижении системной связи человека и мира для развития человека.

Рассмотрим, каким же образом национальный концепт *путь* преломляется в культурных текстах Г.Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» и «Гонец. Письма с Помпеярага», отражающих постепенное преодоление и присвоение пространств России, Сибири, Алтая, расширение личного культурного пространства и возрастание личности к нравственным вершинам.

Субъектом пути, дороги у писателя выступают кочевые народы и оседлые, казаки, ссыльные переселенцы, борцы за истинную веру и Гонец, посланник добра и света, к которому автор обращается с заветом: «*Спешии – твой путь далек и труден, и опасен. И много раз тебе придется спешиваться с твоего крылатого коня, в местах неведомых, в недружелюбных странах, подчас среди врагов. Но чистой улыбкою любви и искренней готовности помочь даже врагу – ты завоюешь всех, и, безоружный всюду будешь побеждать*» [6, с. 131].

Субъектом литературной дороги является и сам Г.Д. Гребенщикова: «...мою [литературную – вписано над строкой] дорогу можно [сравнить – зачеркнуто] представить следующим образом. Вот я полз где-то в темной, сырой и [грязной – перечеркнуто] холодной труппе, полз ощупью и вдруг попал на узкую тропинку. Она ведет меня, виляя и попадая в речки, теряясь в россыпях, прячась у корней лесин... Но вот выхожу я на более широкую тропку, и мне становится светлее и теплее, уже просвечивают лучи солнца... Наконец я вижу перед собою необъятный простор с горами, лесом, лугами, реками и высоким чистым небом и множеством живых существ... Я чувствую, что есть о чем сказать тем, кто здесь не был или не увидел этого простора... и вот я только боюсь, как бы ни перепутать, как бы постепенно удержаться себя от бестолковой спешки...» [5, с. 69].

В целом человек представляется как вечно ищущий нового, более светлого и счастливого, гармоничного существования. Он показывает примеры жизненного пути исторических личностей, готовых всю жизнь в дороге не вследствие кочевого образа жизни, а вследствие готовности к пожизненному движению в пространстве: «В 1880 году сибирский деятель Сибиряков потратил 70 суток для того, чтобы пройти от Югорского шара через Обдорск-Березов на Тобольск на нартах и оленях. Во многих местах он

ехал по совершенной целине, и взявший его вести оленевод взял с собою весь свой табун оленей, всю семью и чумы, не надеясь одолеть пространство, но готовясь где-нибудь остаться по дороге на всю жизнь» [7, с. 89].

Объект прохождения, преодоления – это дорога, путь в пространстве – представлены конкретными реалиями, сопоставимыми с ширью Евразии, которые существовали исторически и существуют до сих пор. Это почтовое, ямщицкое сообщение, паромы, движение на лыжах, на собаках, на утлых челноках с помощью шестов, на плотках по горным рекам, на нартах и оленях, по проселочным дорогам. Как в целом для Сибири и Алтая в исторической перспективе, так и для отдельного человека путь предстает как разрастание: тропинка – дорога – тракт. Дороги железные, морские, речные предстают как способ преобразования Сибири, новый импульс для развития человека. На пересечении путей и дорог человек всегда создает жилище тела или духа. Предвидение туризма (рюкзак как дом за спиной) и курортотечения (временный дом) мыслится автором новым объектом пути.

Действием по преодолению пространства в пути и его освоения с помощью конструирования пространства дома, храма, курорта является творческий труд: «...все технические средства и даже власть должна быть по возможности в руках людей мысли и духа, способных к творческому созиданию. Бедность же, ежели она не величава, как бедность Христовых апостолов, я называю матерью пороков. Во всяком случае, она тормозит развитие сознания» [6, с. 50–51].

В целом в первом приближении можно выявить следующие основные векторы освоения пространства в произведениях Г.Д. Гребенщикова. Это горизонтальный вектор: исторические пути русского наро-

да на Восток и Запад по освоению природных и культурных пространств. Общими реперами освоения пространства выступают ярмарки, а позднее – банки. Другое направление представляет вертикальный вектор пути человеческого духа, который связан не только с подъемом на гору, но и с созиданием, переустройством пространства природы. На пересечении этих векторов (горизонтального и вертикального) человеком – субъектом пути – творчески создается чум, дом, скит, храм, город. В этом плане интересно представление гипотезы о движущихся материках и будущем духовном сближении Сибири и Америки и конкретные шаги по строительству культурного и духовного центра Чураевки в Америке, что требует продолжения исследования.

Литература

1. *Апрелян Р.Г.* Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М.: ИФРАН, 1995. – 597 с.
2. *Бевенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогрес-Универс, 1995. – 456 с.

3. *Велбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 416 с.

4. Алтайский альманах / под ред. Г.Д. Гребенщикова; худож. Г.И. Гуркин. – СПб., 1914. – 202 с.

5. Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: Диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 202 с.

6. *Гребенщиков Г.Д.* Гонец. Письма с Помпея. – М.: МАСТЕР-БАНК, фирма БИСАН-ОАЗИС, 1996. – 215 с.

7. *Гребенщиков Г.Д.* Моя Сибирь. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 214 с.

8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. – Т. 3. – М.: Русский язык, 2002. – 549 с.

9. *Черепанова О.А.* Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: доклады III науч. конф. «Рябининские чтения 99». Сб. науч. докл. – Петрозаводск, 2000. – URL: <http://enbd.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (дата обращения 18.02.2013).

THE DEVELOPMENT OF THE CULTURAL SPACE OF SIBERIA IN THE WORKS OF G.D. GREBENSHIKOV

E.E. Tikhomirova

Novosibirsk State Pedagogical University,
Russian State Humanitarian University

imktikhomirova@mail.ru

The author studies the cultural space in the works of the famous Siberian writer G.D. Grebenshikov. He tries to identify the vectors of development and understanding of Siberia as a cultural concept from the point of view of the system and axiological approaches. Understanding the cultural space of Siberia is associated with representations of cultural universals *the way, home, the median*. In the texts of the writer they have not only spatial characteristics, but they also receive additional ethical connotations. It is concluded that Siberia in Grebenshchikov's works is associated primarily with the possibility of creating a new man, his spiritual ascent and growth. In terms of the development of cultural space two vectors of Siberia development are defined. Firstly, the Russian people moved both to the East and to the West to develop natural and cultural spaces. Common reference points of space exploration were the fairs, and later the

banks. Another direction is a vertical vector of the human spirit, which is associated not only with climbing the mountain, but also with creation, reorganization of space of nature. At the intersection of these horizontal and vertical vectors a man creatively builds a tent, a house, a monastery, a church, a city.

Keywords: culture, subject, object, action, activities, cultural universal.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-143-150

References

1. Apresjan R.G. Ideja morali i bazovye normativno-jeticheskie programmy. M.: IFRAN, 1995. – 597 p.
2. Benvenist Je. Slovar' indoevropskih social'nyh terminov [Le vocabulaire des institutions indo-européennes]. M.: Progres-Univers, 1995. – 456 p.
3. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevyh slov / Per. s angl. A.D. Shmeljova. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. – 416 p.
4. Altajskij al'manah / Pod red. G.D. Grebenshnikova; hudozh. G.I. Gurkin. – SPb., 1914. – 202 p.
5. G.D. Grebenshnikov i G.N. Potanin: Dialog pokolenij (pis'ma, stat'i, vospominanija, recenzii). – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008. 202 p.
6. Grebenshnikov G.D. Gones. Pis'ma s Pomperaga. M.: MASTER-BANK, firma BISAN-OAZIS, 1996. – 215 p.
7. Grebenshnikov G.D. Moja Sibir'. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 214 p.
8. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo russkogo jazyka. T. 3. M.: Russkij jazyk, 2002. 549 p.
9. Cherepanova O.A. Put' i doroga v russkoj mental'nosti i v drevnih tekstah // Master i narodnaja hudozhestvennaja tradicija Russkogo Severa: doklady III nauchn. konf. «Rjabininskie chtenija 99». Sb. nauch. dokl. Petrozavodsk, 2000. URL: <http://enbd.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (data obrashhenija 18.02.2013)